

Верхи и низы русского национализма: (сб. статей) / сост.: А. Верховский. — М.: Центр «Сова», 2007. - С.223-254.

Роджер Гриффин

От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой*

Не заслуживают упоминания

В традиционных исследованиях, посвященных роли правого экстремизма в современной истории, значение имеет лишь величина организации. В контексте межвоенной Европы это вполне логично. Если бы процент голосов, отданных за Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП) на всеобщих выборах 1932 года, продолжал варьировать вокруг жалких 2,6 % (как это было в 1928 году), а не превысил 34%, партия никогда бы не смогла стать инструментом для так называемого захвата власти Гитлером, а многочисленные исследователи не посвятили бы свою профессиональную деятельность разгадке тайны внезапного и опустошительного успеха нацистов после стольких лет политических неудач. Однако цунами человеческих трагедий и разрушительных потрясений 1914-1945 годов, нашедшее выражение в «законном» пути Гитлера к установлению диктатуры, по-видимому, настолько глубоко затронуло коллективную западную душу, что для изучения эволюции правого экстремизма после смерти Гитлера до сих пор применяется ущербная понятийная структура. Сменились три поколения, но ученые и средства массовой информации по-прежнему оценивают угрозы демократическому строю со стороны небольших экстремистских формаций с точки зрения их способности получить массовую поддержку и, следовательно, стать значимыми электоральными или революционными

Статья впервые была опубликована в 2000 году: Griffin Roger. From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // Patterns of Prejudice. 2003. N 37. Vol. 1. P. 27-50. Публикуется с разрешения издателя (Taylor & Francis Ltd, <http://www.informaworld.com>). При подготовке перевода для этого сборника автор внес некоторые изменения и дополнения. Переводчик и редакция сборника благодарят издательство Taylor & Francis и лично Полетт Дулер (Paulette Dooler) за предоставленную возможность опубликовать перевод данной статьи. «Patterns of Prejudice» является одним из ведущих академических периодических изданий, специализирующихся на исследовании современного правого экстремизма, расизма и нео-фашизма.

* Мы хотели бы поблагодарить Джеффри Бейла, Кевина Кугана, Маркуса Матыля и Мартина Дерхема за полезные комментарии к черновику данной статьи. Разумеется, мы несем полную ответственность за ее понятийную структуру, основную суть аргументации и за возможные фактические ошибки (если читатели обнаружат их, предлагаем связаться с нами по адресу: rdgriffin@brookes.ac.uk).

В результате мириады крошечных и зачастую эфемерных, совершенно не запоминающихся группок, которые в изобилии представлены в разнообразных исследованиях правого экстремизма в западных послевоенных демократических странах, рассматриваются исключительно как зародышевые фашистские или нацистские партии, которые остановились в своем развитии еще до обретения зрелости¹ и, таким образом, остались на задворках современной истории. Так, профессор Мартин Блинкхорн, один из наиболее авторитетных британских исследователей межвоенного правого авторитаризма и представитель непреклонной академической ортодоксии, описывает спектр послевоенного правого экстремизма, начиная с таких весьма заметных значительных партий, как Movimento Sociale Italiano (Итальянское социальное движение, ИСД, ит.), которое временами впечатляет своими вторжениями в легитимное пространство демократической политики, и заканчивая областью, которая «кипит обилием группускул, которых так много, что и не перечислить, а большинство из них так мало, что и не достойно упоминания», причем некоторые из них «одержимы насилием»². Надеемся, однако, что, несмотря на степень их незаметности в мире традиционной политики и политического анализа, эта статья, а также специальный выпуск журнала *Patterns of Prejudice*, посвященный исследованию конкретных правых группускул³, где сделана попытка разработать общую понятийную структуру для их анализа, внесут свой вклад в малый «парадигмальный сдвиг» в восприятии группускул⁴. Если

¹ См., например, Ó'Maoláin. *The Radical Right: A World Directory*. L.: Longman. 1987; Al-gazy Joseph. *La Tentation néo-fasciste en France 1944-1965*. P.: Fayard. 1954; Ferraresi Franco. *La destra radicale*. Milan: Feltrinelli. 1984.

² Blinkhorn Martin. *Fascism and the Right in Europe, 1919-1945*. Harlow: Pearson. 2000. P. 112.

³ Специальный выпуск журнала «*Patterns of Prejudice*» (2002. N 3), в котором были опубликованы статьи о Европейском освободительном фронте, «Новом сопротивлении», Национальном альянсе, Национал-большевистской партии и «Арктогее», а также мое краткое вступление в качестве приглашенного редактора. См. также другие номера журнала, в которых публиковались исследования данного феномена: *Patterns of Prejudice*. 2005. N 4; 2003. 1; 2004. 3. Мы рассматривали Groupe Union Defense в: Griffin R. Net gains and GUD reactions: patterns of prejudice in a neo-fascist groupuscules // *Patterns of Prejudice*. 1999. N 2. P. 31-50. — Примеч. автора.

⁴ Здесь следует подчеркнуть, что в данной статье никоим образом не утверждается, что группускуляруость свойственна исключительно послевоенному правому экстремизму. Напротив, мы надеемся, что приводимая в статье аргументация откроет новые результативные направления в исследовании феномена группускулярности, которая является скрытой или фактической характеристикой всех контркультурных разновидностей антисистемного мышления и активизма в современном мире, особенно в ситуации, когда они не могут сформировать ядро более или менее значимых

такой сдвиг произойдет, то для ученых будет крайне непрофессионально (как для хранителей академического знания) и безответственно (как для

популистских движений (проблема группускулярности в премодерне в данной статье не рассматривается). Современный бунт против позитивизма и упадка создал собственные очаги группускулярности, так же как это сделал социализм в некоторых капиталистических странах. Сейчас мы наблюдаем стремительное развитие средств глобальной коммуникации и рост числа культурной продукции, наметившиеся с конца Второй мировой войны, распространение английского языка в качестве международного средства общения и неумолимое расширение интернета. Данные факторы значительно увеличили потенциал группускул, содействуя развитию того, что в данной статье будет называться «ризоматическими характеристиками». Сами группускулы стали обладать качествами наднационального, метаполитического «сверхорганизма». Например, если мы рассмотрим лишь один аспект данного процесса, то увидим, что взаимная осведомленность и система связей между экстремистскими группами в различных культурах и политических контекстах препятствует сохранению узконационалистической сосредоточенности на идеях упадка и возрождения, а также приспособлению революционных программ к национальным партийно-политическим движениям. С данной точки зрения, ризоматическая группускулярная правая является сугубо послевоенным феноменом. Тем не менее, указанное обстоятельство не противоречит тому факту, что правоэкстремистские группускулы существовали до 1945 года (как указывается ниже, Deutsche Arbeiterpartei, существовавшая до появления Гитлера, является хорошим претендентом на принадлежность к данному явлению, так как в период своего становления она обладала скорее группускулярными, чем партийно-политическими качествами). Однако мы можем предполагать, что они — или же тот коллективный организм, который они образовывали — находились в подчинении массовой полувоенной политической партии и в любом случае не имели полноценных ризоматических свойств. В заключение следует отметить, что с момента окончания Второй мировой войны в левых и других экстремистских движениях (например, исламском политическом экстремизме) также развились как элементы группускулярности, так и — благодаря современным технологиям — «ризоматические» качества. Было бы чрезвычайно интересно узнать от исследователей коммунизма, революционного социализма и политизированных религий, благожелательно относящихся к подходу, демонстрируемому в данной статье, насколько феномен «группускулярной левой» можно рассматривать в качестве эквивалента «группускулярной правой», а также насколько группускулярность является характерной чертой так называемого религиозного фундаментализма. Возможно, этому препятствует наличие традиционной наднациональной централизованной власти и иерархии, свойственное как ортодоксальному марксизму, так и ортодоксальному исламу. Тем не менее, исследования, проведенные на основе концепции «ризоматической группускулярности» в качестве эвристической понятийной структуры, могут, к примеру, пролить свет на взаимоотношения таких групп, как Социалистическая рабочая партия и Прогрессивная рабочая партия, с официальными коммунистическими партиями. Они также могут объяснить ту роль, которую играют их наиболее активные отделения и ячейки в поддержании традиции революционного социализма в демократическую эпоху, в которой гегемония капитализма представляется непреодолимой. И, вне всяких сомнений, они могут дать нам новое понимание могущества сети «Аль-Каиды» и ее неуязвимости перед традиционными контртеррористическими мерами.

«сторожевых псов» демократии) по-прежнему относиться ко всем право-экстремистским формациям с незначительным количеством членов как к абортивным массовым движениям, имеющим ограниченную значимость и представляющим минимальный интерес⁵. Иначе это будет то же самое, как если бы астрономы изучали только такие небесные объекты, как галактики, сверхновые и красные карлики, но игнорировали бы пояса астероидов, субатомные частицы и «темное» вещество, которое, согласно последним исследованиям, составляет большую часть физической Вселенной.

Определение «группускулы»

Со времени смерти Гитлера и Муссолини в политической культуре и общественной сфере, в контексте которых революционной правый пришлось реализовывать свои амбиции по низвержению статус-кво и установлению нового порядка, произошли радикальные изменения. Это повлекло за собой необходимость серьезной адаптации идеологии, политического стиля, организации и тактики. Так как процесс приспособления к новым условиям зашел достаточно далеко, возникла эвристическая потребность в выдвижении на политологическую повестку дня нового таксономического рода — «группускулярной правый», — структура и динамика которого отличается от массовых вооруженных партий и тоталитарных режимов, типичных для межвоенного периода. Возможно, полезно предложить дискурсивное определение концепции, являющейся основным объектом исследования данной статьи. К такому определению следует относиться в духе ницшеанских афоризмов, то есть не как к выводам исследования, но как к отправной точке для дальнейшего анализа. Следовательно, при рассмотрении конкретных эмпирических явлений

⁵ Следует подчеркнуть, что в этой статье мы не пытаемся доказать, будто абсолютно все группускулы достойны пристального академического внимания для раскрытия их микроскопических тайн. В своем комментарии к черновику данной статьи Джеффри Бейл писал: «Только те группускулы, которые являются новаторами в идеологической или культурной сфере; члены которых впоследствии приобретают значительное политическое влияние; которые тайно сотрудничают с государственными органами или службами безопасности; которые стремятся и действительно способны на осуществление террористической деятельности, выделяются из множества мелких объединений мечтателей, выдумщиков, неудачников и фантазеров, которые не выдумывают ничего нового и не способны к активным действиям, то есть бесчисленных специалистов по «прямому бездействию». Возможно, все группускулы должны появляться на наших академических радарх, но не все они заслуживают большого внимания с нашей стороны. Некоторые даже по группускулярным меркам являются крайне нерелевантными».

эта дефиниция будет нуждаться в совершенствовании и уточнении буквально с того самого момента, когда она сойдет с клавиш клавиатуры на экран монитора.

В контексте современной правоэкстремистской политики группускулы в сущности представляют собой небольшие политические образования (зачастую находящиеся в русле метаполитики, но никогда не участвующие в партийной политике напрямую), стремящиеся к реализации палингенетических (то есть революционных) идеологических, организационных или активистских задач; их конечной целью является преодоление предполагаемого упадка существующей либерально-демократической системы. Несмотря на то что группускулы являются полностью сформировавшимися и автономными, они обладают незначительным количеством активных членов и имеют в лучшем случае минимальную поддержку и заметность в обществе. Тем не менее, их влияние и значение расширяются благодаря той легкости, с которой они способны объединяться (пусть даже исключительно в мечтах политических экстремистов) с другими группками, идеология и тактика которых в достаточной мере подходит для осуществления совместной деятельности, направленной на установление нового типа общества. В результате группускула обретает образ двуликого Януса, совмещающая организационную автономность и способность к объединению или усилению влияния других схожих формаций⁶. Таким образом, мы видим, что это позволяет группускулам — в ситуации их совокупного влияния на политику и общество — образовывать неиерархическое, бесцентровое (или, скорее, многоцентровое) движение с постоянно изменяющимися компонентами, не имеющее лидера и обладающее подвижными границами. «Группускулярной правдой» скорее свойственны характеристики политической и идеологической контркультуры, чем традиционного движения как субъекта партийной политики, что делает ее в условиях относительно политической стабильности идеально приспособленной для сохранения революционно-экстремистских амбиций, провозглашаемых в идеологии и в некоторых случаях реализуемых через политическое насилие, какими бы утопичными ни выглядели конечные цели с прагматической точки зрения.

⁶ Во вступительной статье к специальному выпуску журнала в июле 2002 года (Griffin R. The incredible shrinking ism: the survival of fascism in the post-fascist era // *Patterns of Prejudice*. 2002. N 3. P. 3-8) мы подчеркивали важность концепции «отдельной сущности» Артура Кестлера для объяснения данной амбивалентной характеристики. См.: Koestler Arthur. *The Ghost in the Machine*. L.: Hutchinson. 1967.

Как всякая дефиниция, данный выше обзор группускулы направлен на то, чтобы включать или исключать тот или иной феномен из рамок данной концепции. Очевидно, что термин не может использоваться по отношению к любой политической организации, которая насчитывает несколько сотен членов и имеет минимальные или вообще отсутствующие поддержку и авторитет в обществе. Итальянская организация *Fasci di Combattimento* (Союз борьбы, ит.) была практически незаметна до того, как вес приобрели скуадри (*squadristi*)⁷. Однако имеются документы, подтверждающие, что Муссолини всегда планировал превратить скуадри в основу массовой элитарной силы национального масштаба и делал все, чтобы реализовать свой план: в 1921 году он даже решился на преобразование своей «антипартии» в политическую партию. Тем не менее, существует необходимость проведения интересного исследования, призванного установить, не функционировала ли *Deutsche Arbeiterpartei* (Немецкая рабочая партия, НРП, нем.) Антона Дрекслера в качестве элемента веймарской группускулярной правой в рамках движения «фёлькише» до того, как с приходом Гитлера она была в конечном итоге трансформирована в основу массовой военизированной НСДАП.

Наше определение «группускулы» также не относится к «группировкам», действующим в рамках крупного политического движения, например, националистам, синдикалистам и футуристам, боровшимся за усиление влияния на ранний итальянский фашизм, или же «социалистической» фракции, образовавшейся вокруг Грегора Штрассера и среди штурмовиков Эрнста Рема до того, как они были уничтожены в ходе «Ночи длинных ножей»; фракции не обладают автономностью, которая является признаком группускулы⁸. Группускулы также нельзя путать с отдельными ячейками больших разветвленных организаций, например, бригадами скуадри или — приведем примеры из неправоэкстремистской сферы — ячейками Движения Сопротивления во времена нацистской оккупации Европы или исторической Ирландской республиканской армии (ИРА). Несмотря на то что они могут сохранять значительную независимость, такие формации по определению интегрированы в более

⁷ Боевые фашистские отряды. — Примеч. перев.

⁸ Тем не менее бывают случаи, когда группускулы в тактических целях могут начать функционировать в качестве фракции более широкой коалиции правых сил, как это показывает статья Джеффри Бейла о «Новом сопротивлении» (хотя использование термина «фракция» может некоторым образом стереть то различие, которое проводится в нашей статье): Bale Jeffrey M. «National revolutionary» groupuscules and the resurgence of «left-wing» fascism: the case of France's Nouvelle Résistance // *Patterns of Prejudice*. 2002. N 3. P. 24-49.

крупные организационные структуры посредством формальных связей и подобия иерархического командования. Даже полуавтономные ячейки «подлинной ИРА» подчинялись некоему центральному командованию.

Другими политическими субъектами, выходящими за рамки определения, являются непартийные общенациональные движения и их местные отделения, которые действуют в качестве групп давления. К таким движениям в России в 1990-х относились годами казачьи формирования и Движение в поддержку армии. То же самое относится к одному из первых постперестроечных ультранационалистических движений России Национально-патриотическому фронту «Память», так как его местные отделения, стараясь произвести впечатление на население, функционировали в качестве составных элементов более широкого движения и стремились к массовой поддержке. Мы также исключаем исследовательский центр *Groupement de recherche et d'études de la civilisation européenne* (Группа исследования и изучения европейской цивилизации, ГРЕСЕ, фр.), так как эта группа слишком тесно связана через совместные проекты и кадры с другими компонентами французской «новой правой», чтобы считаться автономной. А кроме того, общественный статус организации столь высок, что ее можно считать составной частью мейнстримной политической и интеллектуальной культуры Франции⁹.

Смысл концепции будет более понятным, если мы приведем два примера, которые подходят под наше определение. Американское движение «Идентичных христиан» (ИХ), чье идеологическое смешение белого супремасизма и христианского фундаментализма напоминает гибридный вариант фашизма¹⁰, в начале XXI века состояло примерно из 102 групп, действовавших на территории 35 штатов, причем на каждую «церковь» в среднем приходилось по 500 членов. ИХ не имеют центральной власти или «синода», однако обладают широкой сетью связей как между самими группами, так и с другими представителями правого экстремизма, наделяя его «группускулярными» признаками. Другим примером — географически более близким к родине этого журнала¹¹ — является объединение *Blood & Honour*, занимающееся организацией концертов *White Noise* в Великобритании. Созданное в 1988 году Яном Стюартом из *Screwdriver*, это

⁹ Следует указать, что «новая правая» в качестве международной силы, резко критикующей гегемонию либеральных и «западных» ценностей, демонстрирует признаки группускулярности, когда она рассматривается как единое образование, сформированное отдельными национально-ориентированными «новыми правыми».

¹⁰ См.: Griffin R. *Fascism* // *Encyclopedia of Fundamentalism*. Berkshire Reference Works Series. N.Y.: Routledge. 2001.

¹¹ Имеется в виду *Patterns of Prejudice*. — Примеч. перев.

объединение было, по словам одного специалиста, «не новой фашистской партией, а организацией без членства»¹². С тех времен субкультура White Noise стала международным движением, охватывающим широкий спектр крайне правых последователей, работающих в таких стилях, как скинхедский Oi!, панк, хеви-метал и блэк-метал, распалаяющих ритуальную ненависть к расовым и идеологическим врагам (и это вполне соответствует практике глубокого искажения изначальных политических тенденций жанра). Структура Blood & Honour выстроена вокруг многочисленных автономных, но взаимосвязанных ячеек — концертных организаций, выступлений, выпуска и распространения продукции. Это позволило объединению быстро развиться в международную, бесцентровую культурно-политическую формацию, обладающую скорее группускулярным, чем иерархическим устройством. В этом качестве она продолжает играть важную, хотя и не всегда обнаруживаемую роль в деятельности международной правой (особенно в США, Великобритании, Скандинавии и России) посредством привлечения расистов, восприимчивых к идеологическому «переобучению», и благодаря связям с другими группускулами правого толка. Немалое значение здесь также имеет взаимодействие с такими мейнстримными британскими партиями, как Национальный фронт и Британская национальная партия. (Возможно, есть определенный символизм в процессе группускуляризации традиционного партийного фашизма в целом; так, в 1970-х годах название White Noise носила промо-сеть расистской панк-музыки, которую напрямую контролировал британской Национальный фронт.)

Вспомогательные понятия

Мы надеемся, что введение трех дополнительных концепций сделает рамки дефиниции, используемой в данной статье, более понятными.

Первая концепция — это «негражданское общество». Понятие гражданского общества, ставшее общепринятым термином в политологии, относится к общественной сфере, прилегающей к пространству, которое занимает официальная партийная политика, и является ключевым механизмом реализации гуманистических ценностей, а также институализации и усвоения демократических традиций в либеральных обществах. Не так давно некоторые ученые абсолютно обоснованно ввели в

¹² Silver Steve. Blood and Honour 1987-1992 / White Noise. L.: Searchlight. 1998. P. 13. См. также: Moynihan Michael, Söderlind Didrik. Lords of Chaos: The Bloody Rise of the Satanic Metal Underground. Venice, CA: Feral House. 1998.

оборот термин «негражданское общество» — понятие, призванное помочь осмыслить тот сегмент гражданского общества, без которого идеи внепарламентского протеста, антилиберальные идеологии и антисистемная политика не могут принять организационные формы. Существуют две основные статьи, в которых доказывается утверждение, что в настоящее время именно «негражданское общество», а не партийная политика выступает в качестве важнейшего инструмента возникновения и инкубации правоэкстремистских идеологий в современных демократических государствах¹³. Кроме того, данная концепция уже продемонстрировала свою особую ценность в ходе анализа того массового недовольства Веймарским правительством в немецком гражданском обществе, благодаря которому стал возможен приход Гитлера к власти¹⁴. «Негражданское общество» также имеет значительный потенциал для углубления нашего исторического понимания причин возникновения в начале XX века организованного правого политического популизма в таких европейских странах, как Франция, Италия, Германия и Румыния, например, когда оценивается роль движения «фёлькише» в становлении нацизма¹⁵.

Вторая концептуальная тонкость возникает при попытках прояснения крайней двусмысленности, которой обладает термин «движение» (эта двусмысленность свойственна большинству европейских языков)¹⁶. Данный термин может использоваться для определения строго лимитированных, однородных и иерархических идеологических сил, имеющих четко сформулированные цели, которые, возможно, даже постулируются в коллективных манифестах. Примерами таких движений могут служить движения за гражданские права, чартисты и суфражистки. Для удобства данный тип движения мы будем называть «монархическим», так как он обладает единой осью управления. Термин «движение» может также упот-

¹³ Pedahzur Ami, Weinberg Leonard. Modern European democracies and its enemies: the threat of the extreme right // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2001. N 1. P. 52-72; Umland Andreas. Towards an uncivil society? Contextualizing the decline of post-Soviet Russian extremely right-wing parties // *Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series*. 2002. N 2-3 (http://svonz.lenin.ru/books/Andreas_Umland-Toward_an_Uncivil_Society.pdf).

¹⁴ Berman Sheri. Civil society and the collapse of the Weimar republic // *World Politics*. 1997. N 3.

¹⁵ Ср.: Mosse George L. *The Nationalization of the Masses*. N.Y.: Howard Fertig. 1975.

¹⁶ Французы используют два различных термина: *mouvement* и *mouvance*. Последний термин относится к тому, что в данной статье я называю «монархическим» движением. Однако *mouvement* обычно относится как к поликратическим, так и монархическим движениям, поэтому мы не можем использовать эти французские термины, так как их использование приведет к еще большей путанице.

ребляться по отношению к нечетко лимитированному, неоднородному, плохо скоординированному и, следовательно, «поликратическому» выражению идей и ценностей. Признаками такого движения, охватывающего большинство «измов», знакомых из истории культуры, идей и искусства (Возрождение, декаданс, модернизм и т.д.), равно как и широкий ряд крайне размытых общественных кампаний (вроде феминизма, «ню-эйджа», антиглобализма и обществ по защите прав животных) является минимум координации из центра и ограниченное количество общих целей, в результате чего эти движения порождают бесчисленные внутренние фракции, группировки, конфликты и «диалекты» центральных представлений. Еще больше усложняет проблему то, что движения, для определения которых используются родовые понятия, обычно относятся к неоднородным идеологическим и художественным «поликратическим» движениям (футуризм, межвоенный фашизм), даже несмотря на то что они вполне могут состоять из отдельных «монократических» движений (футуризм Мариетти, Британский союз фашистов). Так, в годы становления НСДАП была монократическим движением, функционировавшим одновременно в рамках движений *Los von Weimar* (Свободные от Веймара, нем.) и «фёлькише», которые были поликратическими, а нацизм, в свою очередь, как сейчас утверждают многие исследователи, сам являлся частью межвоенного поликратического фашистского движения.

Третьей и, вероятно, наиболее важной вспомогательной концепцией, которая может помочь нам пролить свет на эфемерную природу «группускулярной правой», является понятие ризомы. Впервые оно получило интерпретацию в духе постструктуралистского радикализма у Жюлья Делеза и Феликса Гваттари. В своих работах авторы попытались с помощью данной концепции углубить наше понимание социальных феноменов, которым — по крайней мере, в форме метафоры — можно приписать характеристики сверхличностных органических жизненных форм, к которым не подходят древовидные или дендритические метафоры вследствие недостаточных иерархичности связей и систематичности взаимоотношений¹⁷. Когда мы применяем концепцию ризомы к группускулярной правой, мы подчеркиваем ее динамическую природу в качестве поликратического движения, указывая на то, что она не функционирует

¹⁷ О «ризоме» см.: Deleuze Gilles, Guattari Felix. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1987. Читатели также могут ознакомиться со статьями в интернете: Hamman Robin B. *Rhizome@Internet // Cybersociology Magazine*. 1996. May 28 (<http://waste.informatik.hu-berlin.de/koubek/netze/handapparat/rhizom/RhizomeInternet.html>) и *Deleuzeguattarionary* (<http://web.archive.org/web/20040603203503/http://cs.art.rmit.edu.au/deleuzeguattarionary/r/r.html>).

как единый организм, имеющий, подобно дереву, главный корень, ветви, листовой полог или же четко определенные внутренние и наружные части, начало и конец. Напротив, она ведет себя как запутанная корневая система травянистых или корнеплодных растений, демонстрируя «множественные источники и начала, которые переплетаются и соединяются друг с другом»¹⁸, постоянно отрастая новыми побегами, приходящими на смену старым, следуя непредсказуемым и асимметричным законам роста и разложения. Если политическая сеть имеет ризоматическую политическую структуру, то она принимает форму сети, не имеющей лидера, строго определенных границ, формальной иерархии и внутренней организационной структуры, которые могли бы наделять ее единым разумом.

Применяя все три концепции к группускулярной правой, мы можем расширить первоначальную дефиницию и определить исследуемый феномен как движение поликратического и ризоматического характера, чьим естественным ареалом является негражданское общество — в отличие от общества политического или даже гражданского.

Исторические проявления группускулярной правой

Даже такая условная дискурсивная дефиниция позволяет нам точно определить проявления группускулярной правой в современной истории. Естественно, мы можем предположить, как это сделали Джеффри Каплан, Леонард Вайнберг и Тед Олсон в своем исследовании Мировой церкви

¹⁸ Цит. по: <http://web.archive.org/web/20040821160019/http://cs.art.rmit.edu.au/deleuzeguattarianary/r/pages/rhizomic.html>. См. также: Wray Stefan. Rhizomes, nomads, and resistant Internet use // Electronic Civil Disobedience. 1998. July 7 (<http://www.thing.net/~rdom/ecd/RhizNom.html>). Вдобавок к тому, что Рей разъясняет понятие «ризомы» с редкой изящностью, он показывает, как «временные автономные зоны» Хаким-Бея и Сапатистская армия национального освобождения используют ризоматическую структуру в своей борьбе с целью свержения Системы. Реакция одного из ведущих «третьепозиционистских» идеологов на концепцию ризомы, кажется, подтверждает ее уместность. Особенно он был поражен ссылкой на «множественные начала», когда в своем электронном сообщении от 1 сентября 2002 г. писал нам: «Это стратегия [моей группускулы]: обновляться и преобразовываться. Не для того, чтобы отсрочить стагнацию, но потому что это элемент органической цепи развития. Это напоминает выращивание различных семян от главного растения. Если мы кладем яйца в разные корзины, то, конечно, это увеличивает шансы на развитие и успех. Мы также можем привлечь более разнообразную группу лиц». Следует упомянуть, что некоторые историки, особенно в Германии, весьма критично относятся к использованию биологических метафор, вследствие крайнего злоупотребления ими в нацистских научных кругах, где они служили оправданием геноцида.

Создателя (МЦС)¹⁹, что группускулярная правая имеет сходство с «культовой средой», которая складывалась в определенные моменты истории, в особенности в Иудее, оккупированной римлянами (раскольнический антиримский фронт, который так оскорбительно пародировался в фильме «Монти Пайтон» «Жизнь Брайана»), а также в рамках религиозной контркультуры движения Реформации, вызвавшей к жизни милленаристские секты, которые изучал Норман Кон в «Погоне за тысячелетним царством»²⁰. Тем не менее, следует указать, что эзотерические свойства МЦС в целом не типичны для группускулярной правой и существуют глубокие различия между относительно однородными религиозными культурами, порождающими «культовые среды», и секуляризированной, фрагментированной и бесцентровой современностью, в которой возник феномен правой группускулы. Кроме того, когда мы подчеркиваем вклад, который внесла в развитие современности «культовая среда», сложившаяся в рамках контркультурного движения 1960-х годов, мы не должны забывать, что первые полноценные группускулы, в которых укоренились революционно-националистические идеи, возникли более чем за десятилетие до появления «Битлз»²¹.

Мы придерживаемся точки зрения, что группускулярная правая — прежде всего продукт «постфашистской» эпохи. Современное понимание идеологической трансформации и усовершенствованная теория родового фашизма являются двумя ключевыми концептуальными инструментами, необходимыми для осмысления очевидной ценности данного подхода. Первый инструмент нам дает теория Майкла Фридена об «идеологической морфологии»²². Эта теория подразумевает, что любое конкретное проявление родовой политической идеологии состоит из блока «неустранимых», а также совокупности случайных (смежных и периферийных) компонентов. Вполне естественно, что организационные и институциональные формы, стиль и специфическое содержание программ и стратегий, избираемых идеологами социализма или либерализма, будут меняться не только из эпохи в эпоху, но и в зависимости от национального контекста. Однако в центре каждой

¹⁹ Kaplan Jeffrey, Weinberg Leonard, Oleson Ted. Dreams and realities in cyberspace: White Aryan Resistance and the World Church of the Creator on the Internet // Patterns of Prejudice. 2003. N 2.

²⁰ Cohn Norman. The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists in the Middle Ages. 4th ed. N.Y. and Oxford: Oxford Univ. Press. 1990.

²¹ Bale Jeffrey M. «National revolutionary» groupuscules; Coogan Kevin. Lost Imperium: the European Liberation Front (1949-54) // Patterns of Prejudice. 2002. N 3. P. 9-23.

²² Freedon Michael. Political concepts and ideological morphology // Journal of Political Philosophy. 1994. N 2.

идеологии лежит простая или сложная концепция, которая не оспаривается скорее по причинам традиционным (номиналистским, культурным), чем эссенциалистским (идеалистическим, реалистическим).

Так, во всех разновидностях социализма мы обязательно обнаружим провозглашаемую приверженность равенству и социальной справедливости, хотя во взглядах на функции, приписываемые таким понятиям, как государственное планирование и государственный контроль капитализма (в некоторых типах социализма эти понятия будут смежным, а в остальных — периферийными), будут наблюдаться глубокие расхождения; то же относится и к подходам к проблеме возобновляемых источников энергии (эта проблема периферийна, но, возможно, когда-нибудь она станет смежной) или к идее школ, в которых ученики являются приверженцами одной и той же религии (эта идея периферийна для социализма). В других идеологиях, например, либеральном консерватизме или экологизме, эти же концепции будут занимать либо центральные, либо периферийные позиции. Руководствуясь данным методом, мы можем распознавать «одинаковые» идеологии вне зависимости от форм, которые они принимают в той или иной стране, и проследить их эволюцию, на которую десятилетиями оказывали влияние сложные исторические и социоэкономические факторы.

На протяжении многих лет тот хаос, который наблюдался в области исследования фашизма, делал практически невозможным применение аналитического метода Фридена к родовому фашизму — вследствие полного отсутствия консенсуса в отношении «неустрашимого» блока понятий, которые его определяют. В последнее десятилетие в среде тех, кто занимается данным вопросом, распространяется признание — эксплицитное (теоретически сформулированное) и имплицитное (прагматическое) — того факта, что перманентное ядро фашизма составляет образ возрождения политической культуры и национального сообщества, осуществленного в постлиберальную эпоху²³. Понимание фашизма как формы ультранационализма, основанной на культурном палингенезе (повторном рождении), дает нам возможность увидеть, что действительные формы, которые принимал фашизм в межвоенную эпоху, были зависимы от специфического и, следовательно, недолговечного исторического контекста.

²³ См.: Griffin R. The primacy of culture. The current growth (or manufacture) of consensus within fascist studies // *Journal of Contemporary History*. 2002. N 1. Существенным исключением из растущего консенсуса являются марксисты, которые из идеологических соображений считают защиту (сохранение?) капитализма и контрреволюционную (антисоциалистическую?) агрессию «неустрашимыми» — а не смежными или периферийными — элементами фашистской идеологии.

Именно системный кризис либерализма, наступивший после Первой мировой войны, в сочетании с русской революцией и «национализацией масс», подъему которой в большой степени способствовала война, создал те уникальные условия, в которых стало возможно появление революционного, популистского варианта национализма, фашизма как нового типа партийно-политической силы. Глобальное и чрезвычайно отчетливое ощущение того, что в естественном развитии современной цивилизации и истории наблюдается глубокий структурный кризис, означало, что межвоенный фашизм сочетал интенсивную идеологическую производительность с мощным стремлением к динамизму и активизму; элитистский кадровый аспект — с популистским «массовым»; социально конформистские, консервативные интересы — с анархическим, революционным порывом; полувоенный характер организации — с электоральным. Все эти элементы слились воедино в рамках иерархического движения, имеющего тенденцию к монархизму. Наиболее удачными примерами такого типа движения были гитлеровская НСДАП и Partito Nazionale Fascista (Национальная фашистская партия, ПНФ, ит.) Муссолини — в большей степени благодаря харизматической энергии, которой наделили своих лидеров те, кто был готов на все ради жизни в новой исторической эпохе, избавленной от упадка и хаоса современности.

Из этого анализа следует два ключевых вывода.

Во-первых, несмотря на то, что такие особенности, как вооруженная партия и полувоенная униформа ее членов, наличие харизматического лидера, ультрашовинистическая риторика и зрелищный, «эстетический» политический стиль были не только универсальными для фашизма тех времен, но и отчетливо ассоциировались с его «сущностью». Эти особенности были лишь случайными, сопутствующими свойствами в контексте дискуссии о родовом фашизме. Кроме того, корпоратизм, антисемитизм и евгеника всегда были лишь периферийными вопросами для родового ядра фашизма — вне зависимости от того, насколько центральными они были для конкретных проявлений данной идеологии. Когда специфическая комбинация факторов, определившая течение межвоенной истории, исчезла, фашистская идеология была вынуждена претерпеть радикальное изменение внешней формы.

Во-вторых, партийно-политическая организация фашизма в качестве «тотальной» силы, сочетавшей электоральный тип партии с полувоенным характером движения, была возможна лишь в условиях острого структурного кризиса, одинаково затронувшего как либерально-демократические системы, так и консервативные режимы.

Теперь настало время для еще одной биологической метафоры. Мы вводим ее в качестве эвристического инструмента, необходимого для осмысления сложных исторических процессов, а не для того, чтобы вызвать к жизни некую органическую реальность, лежащую под поверхностью событий. Слизевики (миксомицеты) — это гибридная форма жизни, состоящая из бесчисленного множества одноклеточных организмов которая бурно развивается в чрезвычайно сырых местах, например в заброшенных английских дачных домиках. Несмотря на отсутствие центральной нервной системы, она обладает примечательным свойством превращаться в безмозглый слепой сверхорганизм, способный перемещаться подобно моллюску или же слизи, руководствуясь одним лишь сознанием²⁴. Только исключительный характер ситуации в межвоенной Европе позволил самым различным аспектам правого экстремизма слиться в некоторых странах в партийно-политический эквивалент слизевиков — мощное массовое движение, чья пропагандистская машина представляла собой единый целеустремленный организм, обладавший сплоченностью и витальностью. Однако такие классические свойства межвоенного фашизма, как харизматический лидер, наличие молодежного движения или масштабные собрания, которые охотно копировались межвоенными парафашистскими консервативными режимами (например режимом Франко в Испании), мы, в соответствии с данной «структурной» перспективой, можем отнести не к неустранимым, а скорее к периферийным компонентам, полностью зависящими от среды, в которой возрождение национального сообщества было главным предметом коллективных устремлений.

На основе вышеизложенного можно предположить, что послевоенная «группускулярная правая» обязана своим существованием главным образом новой комбинации исторических факторов, возникшей вместе с победой либеральной демократии и Советской России над державами Оси и в частности, видимым успехом капитализма в устранении ощущения неотвратимого крушения Запада, охватившего европеизированный мир в межвоенную эпоху. Чрезвычайно важно, что возвращение либе-

²⁴ Слизевики (миксомицеты) — это группа одно- и многоклеточных организмов, которую традиционно классифицируют как грибок, хотя она имеет признаки и растений, и животных. Миксомицеты размножаются спорами, но их клетки могут передвигаться подобно амебе, и питаются, захватывая частицы пищи. Некоторые слизевики являются настоящим бедствием для садоводов, образуя студенистую пленку на траве. Цит по: All sorts of interesting facts about fungi (http://www.nifg.org.uk/facts_a.htm), где также рассказывается об эксперименте, в котором слизевики успешно преодолевали лабиринт в поисках еды.

ральной капиталистической системы к относительной стабильности и гегемонии после 1945 года совпало с тем фактом, что риторика национального возрождения стала для целого поколения ассоциироваться с умышленными бесчеловечными деяниями невообразимого масштаба независимо от того, насколько чуждой была геноцидальная агрессия нацистов, направленная на расовое возрождение, для большинства разновидностей межвоенного фашизма. Данная ассоциативная связь явилась причиной резкого сокращения «политического пространства» функционирования революционной правой. В последующие десятилетия культурный климат стал для революционной правой еще менее благоприятным, так как широкие слои населения Запада все больше и больше деполитизировались и «денационализировались». С этого момента они приобрели иммунитет к лозунгам ультра национализма, милитаризма и жертвенности, которые были причинами возникновения в 1914 году феномена «военной лихорадки» и доминирование которых стало предпосылкой к подъему фашизма. Само национальное государство потеряло свою важность под воздействием глобализации, а с завершением «холодной войны» и крушением советской империи правый экстремизм лишился основной причины своего непрерывного существования.

Подобное стечение обстоятельств радикальным образом преобразило политическую культуру, в рамках которой должен был маневрировать правый экстремизм. Ситуация, в которой ему теперь пришлось выживать, характеризовалась отсутствием объективных причин для системного кризиса, благодаря которому призывы к установлению «нового порядка» на основе тотального политического и культурного обновления находили широкий резонанс с настроениями общества после 1918 года. В результате в большинстве стран сократилось количество избирателей, стихийно поддерживавших революционный национализм, лишив его критической массы для функционирования в русле харизматической политики или, другими словами, в форме современной «политической религии». Составные компоненты, необходимые для образования правозэкстремистского массового движения, уже не могли создать единое целое. Источник харизматической популистской энергии иссяк. Эпоха ультра националистических «слизевиков» — огромных сверхорганизмов, которые когда-то устраивали бесконечные парады и безбрежной массой заполняли площади городов, — закончилась. В определенном смысле Эрнст Нольте был прав, когда писал, что фашизм в той форме, в которой он впервые появился в «Аксьон Франсез», а затем утвердился в итальянском фашизме и германском нацизме, был

«эпохальным феноменом», который фактически прекратил свое существование в 1945 году²⁵.

Однако фашизм не умер в гитлеровском бункере. Следуя дарвинистской логике мутации, по-видимому, одинаково справедливой как для политических, так и для биологических явлений, в «постфашистскую эпоху» силы революционного национализма инстинктивно выбрали две стратегии выживания. Одна заключалась в том, чтобы попытаться сохранить электоральную привлекательность путем снижения или отказа от революционного программного накала и перевода его — в допустимых пределах — на язык либеральной демократии. Результатом этого стало возникновение любопытного гибрида, который сочетал демократическую форму с антилиберальным содержанием и сделал возможным сговор радикальных (реформистских) и экстремистских правых²⁶. Следствием стало появление партий, причисленных к широкой категории «неопопулистских». Другая стратегия была направлена на то, чтобы оставить всякие надежды на образование ядра массового движения и, напротив, принять форму кадровой организации, управляемой малочисленной элитой активистов-самовыдвиженцев, которая преследует идеологические, организационные или антиправительственные цели. В соответствии с данной тактикой призрачные перспективы на реальность революционного влияния на общество поддерживались в таких группах путем стратегии открытости: образовывались ассоциации с другими право-экстремистскими единомышленниками, а посредством эффективной пропаганды, направленной на тех избранных, которые готовы ждать наступления волшебного исторического момента, когда революция правых станет возможной, рекламировалось собственное существование²⁷. Так возникли послевоенные правые группускулы.

Фашизм избрал новый тип агрегации идеологической и активистской энергии — полностью в соответствии с теми трансформационными

²⁵ Отметим, что Эрнст Нольте завершает свою книгу (Nolte Ernst. *Three Faces of Fascism*. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1965) утверждением, что человеческое общество сможет перейти в «постфашистскую» эпоху только тогда, когда оно достигнет полной гармонии и эмансипации (Р. 454). Это наделяет феномен чем-то вроде загробной жизни, хотя мы считаем, что группускулярная правая представляет собой гораздо более динамичную форму выживания, чем мог представить себе Нольте, когда делал свое заключение.

²⁶ См.: Griffin R. *The post-fascism of the Alleanza nazionale: a case-study in ideological morphology* // *Journal of Political Ideologies*. 1996. N 2.

²⁷ См.: Griffin R. *Interregnum or endgame? Radical right thought in the «post-fascist» era* // *Journal of Political Ideologies*. 2000. N 2. P. 163-178. Перепечатано в: Freedon Michael. *Reassessing Political Ideologies*. L.: Routledge. 2001.

процессами, которым он подвергся в ходе адаптации к ситуации, когда обширные зоны политического пространства перестали быть для него доступными и вынудили ютиться во всех углах и закоулках гражданского общества, которые он мог только отыскать. Одним из важнейших процессов стала метаполитизация его идеологии, сопровождаемая сознательными нападениями на культурную гегемонию либерализма, а также далеко идущая интернационализация революционных взглядов. Данная стратегия проявилась в таких феноменах, как призыв к видению Европы в качестве основы всех этнических наций, универсализация нацизма и укрепление так называемой третьей позиции, направленной на объединение международных (включая страны «третьего мира») союзников в борьбе против единственной оставшейся сверхдержавы²⁸. Это привело к росту сотрудни-

²⁸ При этом необходимо отметить, что термин «третья позиция» возник в период «холодной войны», когда наднационально настроенные революционные националисты хотели создать «объединенную Европу», которая могла бы сотрудничать с «антиимпериалистическими» странами «третьего мира» в борьбе против двух блоков сверхдержав — капиталистического и коммунистического. Мы предлагаем бегло взглянуть на тот безудержный синкретизм, характерный для наиболее склонных к идеологическим авантюрам правых группускул, стремящихся преодолеть разделение на левых и правых, а также присвоить себе культовые фигуры крайне левых. Для этого мы процитируем отрывок из текста, взятого с веб-сайта экстремистской и явно не приспособившейся к новым веяниям революционной левой организации «Lefty» Hooligan. What's left? March 2001; MRR #214, <http://web.archive.org/web/20050408231031/http://www.huahuacoyotl.com/march.html>), в котором демонстрируется вся поразительная «низость» упомянутого явления: «1960-е годы были временем подъема не только "новых левых", но и "новых правых", что подразумевало возрождение неофашизма. И именно странный синкретизм фашизма доставляет сейчас наибольшее беспокойство. Сегодня наблюдается возрождение левого нацизма, основанного на идеях национал-большевиков и братьев Штрассеров. Левые культовые фигуры, например, Че Гевара и субкоманданте Маркос вошли в пантеон неофашистов, которые позиционируют себя как национальных революционеров; многие сейчас серьезно пытаются пропагандировать нацимаоизм, основанный на "фашистской диктатуре пролетариата". Современные фашисты поддерживают Ирландскую республиканскую армию, RAF, Ливию Каддафи и "борьбу палестинского народа против сионизма". Фашистская солидарность с национально-освободительной борьбой в странах "третьего мира" — особенно если она обусловлена расовыми, этническими или религиозными факторами — контрастирует с поддержкой фашистами внутренних расовых сепаратистских организаций, как "Нация ислама" Фарраhana, в русле концепции "самоопределения всех народов", естественно, включая белых. Даже экономический дистрибутивизм фашистской "третьей позиции" целиком и полностью заимствован из гильдейского социализма. А еще есть национал-анархизм — возможно, самый странный оксюморон на сегодняшний день. Национал-анархисты заимствуют фашизм справа и слева. Справа — это индивидуалистский анархизм Штирнера, аристократический радикализм Ницше, революционный консерватизм Юнгера и элитарный традиционализм Эвола. Слева — тайный бунт Бакунина, пропаганда действия

чества и экуменизации отдельных групп и фракций — процессу, который может показаться «постмодернистским», но в действительности является глубоко антипостмодернистским, так как в его основе лежит стремление к синкретизму и синтезу²⁹. В течение 1990-х годов возникло два новых фактора, появление которых словно было специально обусловлено стремлением группускулярной правой к консолидации в рамках современной политики. Эти факторы позволили группускулам соответствовать доминирующему на Западе духу времени — усиливающемуся в обществе ощущению всепроникновения культурной глобализации и капиллярному просачиванию интернета в нервную систему планеты. Оба этих фактора обеспечили каждой группускуле — вне зависимости от ее размера — возможность функционирования в качестве узла широкой, постоянно развивающейся сети экстремистских организаций, имеющей гораздо большее значение, чем простая сумма ее частей, — группускулярной правой.

Приоритет группускулы в контексте послевоенного фашизма

Эмпирическое подтверждение данного аналитического направления обеспечивается тем фактом, что пока условия острого общественно-политического кризиса позволяли — как это было, например, в Южной Африке в преддверии многорасовых выборов, посткоммунистической России и постсоветской Югославии — правый экстремизм самоуверенно возвращался к форме популистских движений и массовых партий, напоминающих те, которые возникали в межвоенной Европе во времена ожесточенных восстаний. Однако «знаменем времени» можно назвать то обстоятельство, что даже в условиях сильнейшего системного кризиса, характеризовавшего в самом начале посткоммунистическую Россию, параллельно с возникновением ряда традиционных политических партий, представляющих правоэкстремистские и праворадикальные разновидности национализма, в молодом гражданском и негражданском обществах быстро сформировалась сложная группускулярная правая. Одним из факторов, усилившим ее быстрый рост, была готовность российских элит к сотрудничеству с европейскими «новыми правыми» и экстремистскими группускулами в целях распространения своего анализа национального кризиса.

Кропоткина, мифическое насилие Сореля и синдикалистский мютюэлизм Прудона. Террористический аспект они берут из заговорщического нигилизма Нечаева и анти-индустриального луддизма Качинского».

²⁹ См.: Griffin R. Interregnum or endgame?

Другими словами, интернационализация и метаполитизация соединились с глобализованными формами электронной коммуникации, позволившими крайне специализированным вариантам фашизма проникнуть в те бреши, которые так явно обнаружились в политической системе России, а также в те пространства — как обширные, так и капиллярные — которые открылись для гражданских и негражданских форм культурного и идеологического производства. В то же время страстное желание создать либерально-демократическое, капиталистическое общество в духе *laissez faire* после 80 лет государственного контроля над политической и экономической сферами не позволило революционным националистическим течениям слиться в единое движение наподобие НСДАП. В результате сразу после падения советской империи в России возник самый благоприятный в мире климат для возникновения как группускулярных, так и негруппускулярных ультранационалистических формаций, обладающих ошеломительным разнообразием отдельных идеологических компонентов. А после того как партийно-политический фашизм и неопопулизм пошли на спад вследствие установления определенной стабильности, группускулярная правая стала более активной в процессе эксплуатации негражданского общества в стремлении отстоять идею национальной революции³⁰.

Россия служит примером базового принципа функционирования правого экстремизма во всем западном мире со времени поражения нацизма. Мы повсеместно сталкиваемся с тем, что именно группускула, а не партия становится типичной организационной единицей, в форме которой в настоящее время проявляет себя фашизм. Это хорошо показывает путь, который проделал по изменчивому ландшафту британского правого экстремизма один из наиболее ярких и самоуверенных британских идеологов — Трой Саутгейт³¹. Еще одним знаменем времени является то, что Саутгейт рассказал о своей эволюции от партийного активиста британского Национального фронта до плодовитого группускулярного идеолога, активно вовлеченного в сферу национал-большевизма и неоанархизма, в статье, которая была опубликована в англоязычной версии российской интернет-газеты «Правда»³². Сейчас газета специализируется на публи-

³⁰ См.: Umland A. Towards an uncivil society?

³¹ Southgate Troy. Transcending the beyond: from third position to national-anarchism // Pravda.ru. 2002. January 17 (<http://english.pravda.ru/main/2002/01/17/25828.html>).

³² Показательно то, как Трой Саутгейт отреагировал на наше заявление, сделанное в исходном черновике данного исследования, что его статья выражает «утопическое видение». В своем электронном сообщении от 31 августа 2002 г. он написал, что считает «национал-анархизм прагматическим ответом на грядущий коллапс западной цивилизации. Другими словами, это не эскапистская идея, и мы не прячем голову в песок, а просто пытаемся как-то справиться с тем, что мы считаем неизбежностью».

кации таких аналитических заметок о международном положении, от которых редакторы ее советской тезки переворачиваются в гробу.

Подводя итоги, отметим, что доминирующим проявлением фашизма в межвоенный период была вооруженная электоральная партия, преследовавшая цель создания массовой базы для революционного свержения либеральной системы. В некоторых странах (особенно в Италии, Германии и Франции) широкая общественность была предварительно подготовлена к такому ходу развития вследствие наличия солидного рынка ультранационалистической культурной продукции, который, как видится в ретроспективе, содержал элементы группускулярности. С 1945 года именно группускула стала доминирующим проявлением бескомпромиссного, аутентичного революционного национализма. Ее эффективность в качестве инкубатора и резервуара экстремистской активности увеличивается благодаря реальной или потенциальной взаимосвязи каждой отдельной группускулы с другими правыми группускулами, а также конечной интеграции в группускулярную правую, имеющую ризоматическую, а не древовидную структуру. В настоящее время ее партийно-политическая реализация либо сведена до незначительного уровня, либо обрела «неопопулистскую» внешнюю форму, которая делает эту реализацию периферийной по отношению к революционной миссии правого экстремизма.

Неоднородность группускулы

Чтобы определить группускулу как идеальный тип и постараться обнаружить ее в истории революционного национализма, нам по-прежнему требуется большое количество идеографической плоти, чтобы облечь номотетический скелет. Как видно из дальнейших исследований по данному вопросу³³, у каждой правой группускулы — свой неповторимый стиль поведения. Прежде всего, каждая из них обладает специфическим сочетанием трех основных направлений деятельности: во-первых, разработкой идеологии и пропагандой; во-вторых, координированием связей с другими правыми партиями, организациями и группускулами; в-третьих, проведением акций протеста или осуществлением подрывной деятельности против системы или агрессии против идеологических врагов. На основе имеющихся обзоров группускул мы можем сделать вывод, что некоторые выполняют по большей части идеологическую функцию, другие играют преимущественно координирующую роль, третьи сочетают одновременно

³³ См.: специальный номер журнала, посвященный группускулам: *Patterns of Prejudice*. 2002. N 3.

идеологическую и координирующую функции, а четвертые сочетают все три роли. Необходимо также подчеркнуть, что под фразами «акции протеста или осуществление подрывной деятельности» подразумевается крайне обширная сфера активности — от мелких символических действий (например, однажды члены *Groupes Union Défense* (Объединенный союз защиты, ГУД, фр.) прервали показ документального фильма «Шоа» о Холокосте, который проводился в одном из парижских студенческих общежитий) до взрывов на железнодорожной станции в Болонье, которые были частью «стратегии напряженности», проводимой итальянскими террористами³⁴.

Однако даже несмотря на то что идеологическая функция некоторых группускул является основной, они гораздо в большей степени заинтересованы в установлении контактов с широкими слоями населения посредством экзотерических, откровенно пропагандистских вариаций на тему центральной идеологии, чем другие организации, чьи декларации, сообщения и аналитические обзоры рассчитаны только на посвященных. Вследствие этого публичные биографии лидеров групп могут сильно отличаться друг от друга. Например, Том Metzger (лидер Белого арийского сопротивления, БАС) широко известен в США, а Александр Дугин (лидер «Арктогеи») в середине 1990-х годов был официальным советником спикера российской Государственной Думы³⁵. В противоположность им другие группускулы функционируют на принципах безлидерного или, по крайней мере, анонимного сопротивления. Между этими полюсами находятся несколько групп, возглавляемые известными в правых кругах идеологами, которые, тем не менее, минимально известны или были известны общественности. К ним можно отнести Европейский освободительный фронт (лидер -Фрэнсис Паркер Йоки), *Nouvelle Résistance* (Новое сопротивление, НР, фр.: лидер — Кристиан Буше) и Национально-революционную фракцию (НРФ; лидер — Трой Саутгейт). Даже в самом экстравертном и медиагеничном группускулярном лидере нового поколения нет ничего «фюрерского».

Существует также значительно количество вариантов взаимоотношений группускул с демократическими институтами, так как некоторые из них, например, Национал-большевистская партия (НБП) в России или

³⁴ Исследование группускулярной сферы, в рамках которой действовали черные террористы с 1960-х по 1980-е годы, см.: Drake Richard. *The Revolutionary Mystique and Terrorism in Contemporary Italy*. Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press. 1989; Ferraresi Franco. *Minacce alla democrazia*. Milan: Feltrinelli. 1995; Ferraresi Franco. *Threats to Democracy*. Princeton: Princeton Univ. Press. 1996; Bale Jeffrey M. *The Secret Cold War and European Right-Wing Terrorism* (готовится к публикации).

³⁵ См.: Mathyl Markus. *The National-Bolshevik Party and Arctogaia: two neo-fascist groupuscules in the post-Soviet political space // Patterns of Prejudice*. 2002. N 3. P. 66.

Nordiska Rikspartiet (Партия нордического рейха, шведск.) в Швеции, как ни странно, выставляли в прошлом своих кандидатов на выборы. Это обстоятельство указывает либо на то, что у них по-прежнему остаются надежды прорваться в традиционное политическое пространство, либо на гибридный характер организации — смесь группускулярного и партийно-политического типов³⁶. Даже к предположению, что правый экстремизм является обязательно «антисистемным», следует относиться с осторожностью. Не так давно, когда антикоммунизм был движущей силой западной внешней политики, в Италии, Греции, Турции, Франции, Бельгии, Португалии и Испании, не говоря уже о Латинской Америке, отмечались случаи сговора, преимущественно тайного, между элементами «системы» — в основном военных и разведывательных кругов, а также судебного аппарата — и правыми террористами³⁷. Некоторые правореакционные группускулы в США, например «Воины-ополченцы» (Minutemen), получали тайную поддержку со стороны сил правопорядка и формировали отряды, имевшие целью не свержение власти, но увеличение ее эффективности в качестве защитника от угроз, исходящих от коммунизма и «расслабляющего» либерализма.

Имеет смысл подчеркнуть, что в контексте правого экстремизма существует значительное расхождение во взглядах на то, что именно считается «системой» и кто именно является врагами нации или расы³⁸. Так, несмотря на то что неонацистские группы вроде Национального альянса в США преимущественно критикуют дух либерализма за то, что он «сделал возможным» мультикультурализм и расовое смешение или «потворствовал» им, они не проявляют той же злобы по отношению к глобальному капитализму, которая отличает сторонников «третьей позиции»: первые критикуют капитализм как признак ЗОГ (ZOG, сионистское оккупационное правительство), а вторые настроены против него потому, что уверены в необходимости введения экономической альтернативы капитализму. Например, Британская НРФ и основанная в Бельгии Parti Communiste National-Européen (Общеввропейская

³⁶ Хотя мы и подчеркиваем, что группускулы не пытаются стать массовыми популистскими движениями, некоторые из них больше, чем другие, стремятся получить общественную поддержку посредством пропаганды и рекламы, а в некоторых случаях имеет место напряженность между самой природой группускул как кадровых объединений и их желанием навязать свое «правильное» видение проблем как можно большему количеству людей.

³⁷ Джеффри Бейл указывает на это сложное, лицемерное сочетание антигосударственного терроризма и терроризма, тайно спонсируемого государством, в своей статье: Bale Jeffrey M. Right-wing terrorism // *Europe since 1945: An Encyclopedia*. N.Y.: Garland. 2001.

³⁸ См.: Ramsay Robin. *Conspiracy Theories*. L.: Trafalgar Square. 2000.

«третьей позиции» 1960-х годов, *Jeune Europe* («Молодая Европа», фр.), открыто называют старомодных фашистских националистов, а также нацистов, не принадлежавших к крылу Штрассера, «реакционерами» или используют термин «фашизм» в уничижительном смысле, утверждая, что именно неспособность фашизма уничтожить капиталистическую систему скомпрометировала его революционный импульс.

Границы здесь кажутся туманными, а идеологические принципы больше похожи на песчаные дюны, чем на горы. БАС, например, смешивает идеологию «третьей позиции» с очевидными элементами арийского нацизма и биологического расизма. Еще один пример: согласно информации с веб-сайта группускулярного *Front Politique* (Политический фронт, ФП, фр.), в 2002 году ГУД вошел в тесную связь с двумя другими национально-революционными группускулами, *Les Cercles Résistance* (Круги сопротивления, фр.) и *Jeune Résistance* (Молодое сопротивление, фр.), и вместе они приняли решение «продолжать борьбу с левозэкстремистским сбродом»³⁹. ГУД появился в 1960-х годах, и тогда он представлял собой яростную антилеву студентскую группу, близкую к молодежному движению Национального фронта, однако в начале 1980-х годов — в соответствии с духом времени — он начал впитывать в себя влияние французских «новых правых». К концу 1990-х годов организация усвоила идеи «третьей позиции», также подвергшиеся влиянию «новых правых», и переняла политические концепции, далекие от официальных «лепенских» взглядов на «новый мировой порядок». Тем не менее, свойственный ГУД антикоммунизм до конца 1990-х годов никогда не был элементом идеологического разнообразия, характерного для двух остальных групп сопротивления и российских групп — «Арктогея» и НБП, близких к национал-большевизму⁴⁰. В свою очередь, на примере этих российских групп мы можем наглядно видеть, с какой легкостью в контексте нового глобализованного и группускуляризованного правого экстремизма импортируется и реэкспортируется критика господствующих ценностей, еще больше затрудняя возможность строго определенного таксономического анализа. Обе группы импортировали из Европы «новоправую» и

³⁹ <http://web.archive.org/web/20020604021234/http://www.unite-radical.com/fp.htm>

⁴⁰ См.: Griffin R. Net gains and GUD reactions.

Национал-большевизм не является доктринальной прерогативой российских группускулов, но в качестве идеологии восходит к немецким политическим течениям 1920-х годов. См.: von Klemperer Klemens. *Towards a Fourth Reich? The History of National Bolshevism in Germany* // *The Review of Politics*. 1951. N 2. P. 191-210; Van Ree Erik. *The concept of «National Bolshevism»: an interpretative essay* // *Journal of Political Ideologies*. 2001. N 3. P. 289-307. — Примеч. перев.

глобальной системы, а затем объединили ее с ультранационализмом и левоэкстремистской критикой капиталистического империализма в манере, свойственной исключительно постсоветской политической культуре. К концу 1990-х годов этот новый синтез стал источником ощутимого влияния на разнообразные западные «третьепозиционистские» группускулы, идеология которых в данный момент обнаруживают все больше и больше признаков национал-большевизма. Можно привести пример британской НРФ (которая многое сделала для того, чтобы познакомить читателей своего веб-сайта с «Арктогеей»), национал-анархистов и «Спартакус-Пресс», идеологические сегменты которых развивались в начале этого века, по-видимому, в направлении сложного синтеза классического фашизма, «третьей позиции», неоанархизма и новых форм антисистемной политики, возникших в контексте движения антиглобалистов⁴¹.

Что предстоит сделать: характерные признаки группускулярной правой

Если на определение «классического» фашизма ушло несметное количество часов коллективного академического труда, то неудивительно, что данная статья указывает на невозможность мгновенного таксономического описания и строгой классификации проявлений «постфашизма» — постоянно растущей, видоизменяющейся, многогранной контркультуры. Мы предприняли попытку предварительного осмысления феномена, и независимо от того, в каком объеме будет пересмотрен в дальнейшем наш временный идеальный тип группускулы, эту попытку можно будет считать успешной, если благодаря ей читатели смогут выделить в своем воображении место для явления, которое в традиционной политологии по большей части игнорируется. В этом случае практическим результатом будет способность читателей отчетливо представить себе мелкие, узкоспециализированные и индивидуализированные группки, которые составляют значительный сегмент современной правою экстремизма

⁴¹ См.: Southgate T. *Transcending the beyond*. Чтобы составить некоторое представление о сложной идеологической сети, образуемой современными группускулами в правозэкстремистском секторе интернета, см. страницу ссылок веб-журнала *Synthesis* (<http://www.rosenoire.org/links.php>), которая предлагает искателям метаполитической мудрости, необходимой для преодоления существующей «системы», неординарную подборку сайтов на такие темы, как анархия, антропология, антисиионизм, конспирология, окружающая среда, фортеана (так!), индоевропейцы, современная жизнь, «окультура», политика, психология, сюрвайвализм и Традиция.

чем суммы составных частей. Мы надеемся, что в процессе накопления эмпирического материала по мириадам отдельных разновидностей феномена, границы его определения станут менее туманными, а его неустранимые, смежные и периферийные аспекты станут более отчетливыми. Тем временем уже сейчас мы можем выделить несколько признаков феномена, необходимых для лучшего понимания современного правого экстремизма и заслуживающих дальнейшего изучения.

Во-первых, мы увидели, что группускула характеризуется отказом от каких-либо попыток создать массовую базу последователей, притязаний на широкие круги электората, а также отказом от вхождения в альянс или достижения компромисса с организациями, функционирующими в пространстве традиционной политики, в целях оказания наибольшего влияния или достижения максимальной оперативной эффективности. Сосредоточиваясь на политической подготовке и мобилизации самовыдвиженческого кадрового состава, группускула становится основным сегментом послевоенного вестернизированного мира, в рамках которого образуются самые различные формы революционного национализма (например, глобальный нацизм) или новые гибриды «радикальных религий», которых отличает секулярная критика современного мирового порядка со стороны белых супремасистов (например, движение «Идентичных христиан») и левых экстремистов (национал-большевистские варианты «третьей позиции»). При этом группускулы не нуждаются в сохранении публичной привлекательности, политической корректности, электорального успеха и в поддержании «имиджа». В результате они получают свободу выражения своих взглядов на мир и, не прибегая к эвфемизмам, рисуют картины преследований, заговоров и мегаломании, типичные для так называемого параноидального стиля политики. Таким образом, именно группускулярная правая, а не современная «модернизированная» партия, репрезентирующая неофашизм (например, Британская национальная партия) или неопопулизм (например, французский Национальный фронт), стала резервуаром различных вариантов революционного национализма, фанатичной одержимости образами упадка и возрождения, жажды новой зари, близких по содержанию к тем идеям, которые два поколения назад вдохнули жизнь в самых непримиримых итальянских фашистов, нацистов, фалангистов и легионеров Архангела Михаила, а также их собратьев из других фашистских движений. Именно на их веб-сайтах исследователи могут в изобилии обнаружить свидетельства того, что штаммы палингенетического ультранационализма, вдохновившего «эпоху фашизма» в межвоенной Европе, не погибли, но, избавившись от необходимости говорить на лингва-франка массовых движений,

претерпели мутацию. (Несмотря на глобальное изобилие предлагаемых вариантов фашизма, невозможно скрыть тот факт, что с 1945 года революционная правая — если мы говорим об общем объеме идеологической энергии и народной поддержки — уменьшилась до лилипутских размеров по сравнению с Гулливером существующей демократии.)

Во-вторых, идеологический радикализм современной группускулы придает особую значимость активному использованию интернета, через который она распространяет свои принципы среди сторонников и налаживает связи с единомышленниками по всему миру. Так, подобная практика позволяет ей создать «виртуальное сообщество» активистов, уверенных в том, что они избраны для поддержания священного огня истины о существующем миропорядке, несмотря на господство иной идеологии, темные времена владычества которой им должно терпеть, пока это «междоцарствие» не закончится. Виртуальное сообщество обладает способностью избегать «проверки на соответствие реальности», изолируя своих членов от контактов с внешним миром, которые могут явить им более релятивизированное и плюралистическое понимание современной истории. В частности, избавляя экстремистов от необходимости дебатов с оппонентами и чтения лекций на небольших собраниях своих сторонников⁴², группускулярность сохраняет экстремизм ультранационалистического палингенетического мышления в безупречной чистоте. Тем самым группускулы внушают своим сторонникам абсолютно прозрачные надежды на то, что правый экстремизм способен реализовать утопические проекты альтернативного миропорядка, восстановления культурной «укорененности» и расовой мощи. Авторам этих проектов уже не нужно приспосабливаться, как это было в межвоенной Европе, к миру, полностью поглощенному угрозой крушения христианской цивилизации и коллапса его странного попутчика — капитализма, страхом перед распространением советского коммунизма и ужасом перед разрушительными войнами между европейскими национальными государствами. Теперь их питает боязнь культурной гомогенизации, массовой миграции и планетарной экологической катастрофы⁴³. В то же время наличие ризоматической

⁴² Тем не менее, мы не можем сказать, что правозэкстремистские попытки сплочения рядов более традиционными способами безвозвратно ушли в прошлое. Одна из «третьепозиционистских» группускул была в числе главных организаторов «Ярмарки анархистских еретиков», которая состоялась в 2000 году в Брайтоне. Та же группа содействовала организации трех следующих собраний, где планировались выступления известных ораторов, впоследствии отмененные из-за угроз «антифашистов».

⁴³ Несмотря на то, что корни правозэкстремистских группускул лежат в межвоенном фашизме, многие из них трансформировали идеологию национального возрождения

структуры, к которой в силу внешних обстоятельств был вынужден прибегнуть правый экстремизм, означает, парадоксальным образом, что группускулы достигли неуязвимости перед попытками демократических государств уничтожить их, так как они существуют в среде, которая скорее напоминает таинственный мир врагов Джеймса Бонда, чем политическую реальность, регулируемую планами по решению насущных задач. Правый экстремизм превратился в сеть, не имеющую лидера, строго определенных границ, формальной иерархии и внутренней организационной структуры, которые могли бы наделить ее единым разумом. Революционная правая больше не выгодна больше службам безопасности и разведки, так как она прекратила имитировать существование единого живого организма, как это таинственным образом делают слизевики. Вместо этого, следуя внутренней логике, которую способны смоделировать только самые продвинутые биологические науки, мелкие вспышки спонтанной активности, порождающие и питающие группускулы, образуют узлы силового поля или сети радикальной политической энергии, которая поддерживает жизнеспособность и жизнестойкость организма в качестве единого целого. Подобные качества отражают сами свойства интернета, который изначально заинтересовал американских военных стратегов тем, что его нельзя выключить, равно как и нельзя стереть информацию, которая в нем содержится, путем банального вывода из строя любого из его компонентов в связи с отсутствием в нем «центра управления полетами», который можно было бы уничтожить. Группускулярность современного правого

в такой степени, что стержневую тему их идеологии — озабоченность национальным упадком и возрождением — стало практически невозможно распознать. Таким образом, существует необходимость в более тщательном исследовании, чтобы очертить менее импрессионистские идеологические контуры современного правого экстремизма, чем те, которые предлагаются в данной статье. Одним из признаков того, что остатки «первоначального» фашистского мышления все еще присутствуют даже в панъевропейских и экстремистских национал-большевистских разновидностях группускулярной идеологии, является то, что они главным образом беспокоятся о культурном упадке, а не о социальной несправедливости или же неравенстве. Другим признаком является то, что когда левые фашисты (например, адепты «третьей позиции», ориентированные на национал-большевизм) критикуют несправедливость — политическую, социальную или экономическую — или же осуждают эксплуатацию и империализм, они, тем не менее, считают, что причиной упадка современного мира является принцип эгалитаризма, а также размывание культурной и этнической идентичности. Третий признак — это то, что концепция европейского возрождения или победы арийцев над врагами по-прежнему эксплуатируется национальными и этническими ячейками (например, в США, Франции и Фландрии), которые требуют сохранности своей уникальной местной идентичности. Сравнение российских, итальянских, немецких и французских разновидностей европейской (и определенно не тэтчеровской) «новой правой» подтверждает эту модель.

экстремизма, в сущности, позволяет ему выживать и развиваться, даже если отдельные организации, составляющие его, объявляют вне закона, а их веб-сайты закрывают.

Эти соображения получают особый резонанс в условиях мирового порядка после разрушения «башен-близнецов». Подобно палингенетическому правому экстремизму, в основе «террористической сети» типа «Аль-Каиды» лежит специфический тип мышления, радикальное видение существующего мироустройства, а также напряженное, но географически крайне рассредоточенное силовое поле культурной и политической энергии, и эти качества далеки от строгой организационной структуры, знакомой теоретикам корпоративных моделей линейного управления. «Аль-Каиде» мешает достичь полной группускулярности то, что, по всей видимости, в ней существует некое иерархическое командование, в котором Бин Ладен до сих пор, несомненно, играл важную роль, даже если в будущем выяснится, что его декларации и приказы распространялись уже после его смерти. Выживать движению помогает именно его структура, так как она подразумевает, что его «базу» или «основу» (буквальный смысл слова «аль-каида») нельзя обнаружить в какой-либо отдельной стране, ячейке или человеке, что стало возможно благодаря самой глобализации, от которой организация призвана защищать ислам. Если получится так, что «Аль-Каида» по-прежнему будет способна представлять угрозу западным демократическим государствам — даже если американским войскам специального назначения удастся (или уже удалось) превратить Бин Ладена в мученика, а не лидера из плоти и крови, — то это будет целиком и полностью заслуга ризоматической структуры организации.

В-третьих, несмотря на то что крайне разносторонним утопическим планам группускулярной правой на установление нового национального и мирового порядка никогда не суждено сбыться, нельзя недооценивать ее вклад во внедрение в структуру всех вестернизированных обществ субкультуры революционного экстремизма, которая порождает «расово мотивированные преступления» и нормализует акты насилия, направленные против предполагаемых врагов идеального порядка. Предлагая готовые идеи о необходимости преобразования существующей глобальной системы, группускулярная правая способна оказывать формирующее влияние на идеологическую эволюцию и политическую карьеру отдельных индивидов, находящихся в поиске больших нарративов и тотальных истин, путем трансформации смутного чувства обиды и ненависти в глубоко личное ощущение особого предназначения «сделать что-нибудь». В исключительных случаях группускулы вносили решающий вклад в превращение непокорных неудачников в «одиноких волков», готовых,

пренебрегая человеческими жизнями, на безжалостные террористические акты, направленные против символов общественного упадка.

Один из первых подобных терактов совершил Гундольф Колер в 1980 году, взорвав бомбу во время пивного фестиваля «Октоберфест». Изначально теракт приписали одиночке, действовавшему независимо от организованной правой, однако позже выяснилось, что Колер был членом западногерманской группускулы Wehrsportgruppe Hoffmann (Военно-спортивная группа Гофмана, нем.). Исполнитель другого теракта, Тимоти Маквей, устроивший взрыв в Оклахома-Сити, находился под глубоким влиянием процветающей в США группускулярной правой субкультуры. В частности, контакты Маквея с особой революционной субкультурой, сформированной патриотическими ополченцами, членами клубов любителей оружия и сюрвайвалистами, политизировали его неудовлетворенность положением страны, а его ощущение личного предназначения совершить какой-либо акт для спасения Америки от мертвой хватки ЗОГ приобрело окончательную форму после прочтения «Дневников Тернера» — книги, написанной Уильямом Пирсом, главой Национального альянса⁴⁴. Полиция, расследовавшая дело другого террориста, Дэвида Коупленда, взрывавшего в Лондоне бомбы, начиненные гвоздями, сначала заявляла об отсутствии связей с организованной правой, но впоследствии обнаружилось, что на Коупленда сильно повлияло движение «Идентичных христиан» и британское Национал-социалистическое движение, а также «Дневники Тернера»⁴⁵. В его случае ключевую роль во вступлении в частное ополчение террористов-одиночек, преданных идее радикального изменения системы, сыграл интернет. Через интернет Коупленд нашел и необходимые инструкции по изготовлению бомб, начиненных гвоздями. Последним примером данного феномена, попавшим в передовицы, было покушение Максима Брюнери на Жака Ширака 14 июля (день взятия Бастилии) 2002 года. Среди группускул, оказавших влияние на Брюнери, были ГУД, «глобально-нацистская» Parti Nationaliste Français et Européen (Французская и европейская националистическая партия, фр.), а также более позднее Unité Radicale (Радикальное единство, фр.) Кристиана Буше, которое объединило последнее воплощение ГУД с «третье-позиционистским» Nouvelle Résistance, в большей степени ориентированным на национал-большевизм⁴⁶.

⁴⁴ Michel Lou, Herbeck Dan. American Terrorist — Timothy McVeigh and the Tragedy at Oklahoma City. N.Y.: Avon. 2001.

⁴⁵ McLagan Graeme, Lowles Nick. Mr Evil. The Secret Life of the Racist Bomber and Killer David Copeland. L.: John Blake. 2000.

⁴⁶ Статьи Грэма Аткинсона (Nazi shooter targets Chirac, The bad boys of GUD и Unité Radicale disunited) и Ника Лоуэлса (Would-be assassin tells world to watch) опубликованы в: Searchlight. 2002. N 326. P. 5-7.

Примеры с Колером, Маквеем, Коуплендом и Брюнери имеют огромное практическое значение для стражей демократии, не говоря уже о том, что для эзотерически настроенных политических теоретиков изучение тайн группускулярной правой может стать источником феноменологических секретов и когнитивного удовольствия. Ее незаметное, призрачное присутствие в общественной и политической субкультуре обуславливает постоянный, непрерывно обновляющийся источник антисистемных взглядов на текущую местную, национальную и глобальную ситуацию. Те, кто не удовлетворен существующей матрицей реальности, могут получить доступ к этому источнику с той скоростью, с какой их беспокойные пальцы бегают по клавиатуре. Уже через несколько часов после атаки на «башни-близнецы» на веб-сайтах правоэкстремистских группускул появились собственные версии произошедшего. Даже в наши дни, не похожие на бурную межвоенную эпоху, «ризоматический» фашизм может оказывать практически невидимую поддержку действиям более заметных и менее застенчивых в отношениях со СМИ приверженцев нового идеологического синтеза, обещающего спасение Запада от окончательного разложения, а в особенности поддержку действиям интеллектуалов из европейской «новой правой», а также более искушенных и радикальных идеологов неопопулизма.

Таким образом, не следует удивляться тому, что могут обнаружиться свидетельства о взаимодействии между группускулярной правой и «новой правой», как это демонстрируют случаи с ГУД и «Арктогеей»⁴⁷, или между исламистскими и европеизированными правыми экстремистами⁴⁸. Более того, пленка, отделяющая негражданское общество группускулярной правой от ортодоксальной партийной политики, временами может быть абсолютно негерметичной. Превращение крайне изолированного итальянского ИСД в «избирабельную» партию *Alleanza Nazionale* (Национальный альянс, ит.) Джанфранко Фини было предварено интенсивной группускулярной активностью на периферии основной партии, в результате чего в ней укоренились идеи «французских» и доморощенных эволаистских

⁴⁷ Хорошим кандидатом на обладание группускулярным статусом является *The Scorpion* — нерегулярное печатное издание и ассоциированный с ним веб-сайт, посвященные распространению «новой правой» критики существующего миропорядка (в данном случае негармоничной смеси французской «новой правой» и эволаистских идей) на английском языке. В основном журнал редактируется в Германии бывшим организатором Национального фронта Майклом Уокером — еще одно доказательство интернационализации и метаполитизации правого экстремизма, а также иллюстрация того, что в данной политической сфере на смену партийной эпохе приходит эпоха группускул.

⁴⁸ См. Michael George. *The Enemy of my Enemy. The Alarming Convergence of Militant Islam And the Extreme Right*. Lawrence: Univ. Press of Kansas. 2006.

«новых правых». В то же время случай с Александром Дугиным показывает, что даже группускула способна в определенной степени оказывать прямое влияние на правительственные круги и, следовательно, на выработку официальных политических решений⁴⁹. Мы живем в эпоху, когда в обществе наблюдается растущее беспокойство в отношении утраты идентичности, а антиглобализм, как это ни парадоксально, представляется подлинно массовой популистской силой во всем мире. Поэтому мы вряд ли погрешим против истины, если предположим, что наличие многочисленных правоэкстремистских ризом, проповедующих какофонические учения о чистоте культуры и примордиальных корнях (расовых, протоевропейских или атлантических) или критикующих упадок существующей глобальной системы, призывая к установлению нового порядка, может иметь «тайное» (но не таинственное) влияние на систему. Их совместные усилия напоминают всепроникающее «темное вещество», присущее либерально-капиталистическому обществу и обеспечивающее жесткую фиксацию центра гравитации западных демократических стран на правом фланге, являясь, таким образом, невидимым противовесом идеям человеческого содружества и всеобщей социальной справедливости.

11 сентября совершенно ясно продемонстрировало, что основные угрозы социальному миру и политической стабильности западных обществ могут исходить не от нового Гитлера или новой НСДАП, но от различных вариантов «фундаментализма» — секулярных или религиозных — принявших ризоматические формы, которые не поддаются традиционному анализу и не имеют военного решения. С этой точки зрения, в будущих исследованиях экстремизма группускулярную правую, возможно, будут рассматривать не как алогичное проявление загробной жизни классического фашизма, но как неуловимого, бесплотного предвестника экстремизма эпохи продвинутой современности. К тому времени исследования, по крайней мере некоторых элементов политического экстремизма, станут частью обычной академической практики, так как эти элементы будут «заслуживать упоминания» независимо от своего размера.

Перевод с английского Антона Шеховцова

⁴⁹ Приведем пример того, как группускулы проникают в традиционное политическое пространство: в начале 2002 года Люк Мишель, глава левофашистской национал-большевистской ПКН, был приглашен местным отделением ранее бескомпромиссной марксистской Partei des Demokratischen Sozialismus (Партия демократического социализма, ПДС, нем.) выступить на конференции в Берлине.